

ставляют несомненный интерес для исследователя и должны составлять часть "языко-ведческой компетенции" семасиолога.

- Если расценивать составителей словарей как информантов, то этнически маркированные элементы, отмечаемые в лексикографических справочниках, можно принять в качестве кандидатов на включение в системно-языковое ядро лексического значения, которые однако должны получить экспериментальное подтверждение.

2. Простое перелистывание наиболее популярных лексикографических изданий наводит на размышление и вызывает ряд вопросов, например, относительно правомерности включения (невключения) некоторых переносных значений, связанных с этноязыковой традицией. Особенно это касается лексико-семантической области так называемых "зоонимов". Почему, например, в словаре С. И. Ожегова в реестре значений слова *лиса* фиксируется в качестве переносного значение "хитрый, лживый человек", тогда как при слове *хорова* отсутствует, например, значение "полный, неповоротливый человек (обычно о женщине)"?

3. Остается неясным и вопрос о способах подачи такого рода информации. На каком основании в том же издании при слове *свинья* значение "о том, кто поступает низко, подло" представлено именно как самостоятельное значение? В то же время при слове *змея* возможность антропонимического переноса робко отмечается в конце словарной статьи в ее иллюстративной части при производном прилагательном *змеиный*: "Змеиная улыбка (перен.: коварная)".

4. Очевидно, что сопоставление этносемантических свойств лексики разных языков - важная часть этносемантической лингвистической типологии. СР., например: нем. *Ratte* ("крыса") - "миловидная женщина" и англ. *rat* (с тем же исходным значением) - "предатель". Однако подобные теоретические построения должны базироваться на надежном исходном материале, в отборе которого необходимо опираться на четкие и недвусмысленные критерии.

5. Ориентация только на словарные данные или только на возможность употребления слова в типовых сравнительных конструкциях (можно сказать "замерз, как собака", но это вовсе не значит, что каждого замерзшего, продрогшего человека можно назвать собакой) заранее обрекает исследователя на неадекватность.

А. И. Кузнецова
(Москва)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОМПОНЕНТОВ В СТРУКТУРЕ САМОСОЗНАНИЯ СОЦИУМА (На примере малочисленных народов)

Лингвисты нередко затрудняются в определении статуса того или иного идиома, идентифицируемого ими то как язык, то как диалект, то как говор и т.д. В этой ситуации приходится обращаться к этническому самосознанию социума, хотя доверять полностью самосознанию этноса нельзя. Случается, что группа носителей какого-либо одного идиома (напр., диалекта) в силу некоторых исторических причин начинает считать себя самостоятельным народом и, соответственно, носителем особого, самостоятельного языка, преувеличивая реальные отличия собственного диалекта от других диалектов того же языка. Этническое и языковое самосознание оказываются тесно переплетенными между собой, причем бывает трудно сказать, что в данном случае первично - этническое самосознание или языковое самосознание, уверенность, существующая испокон века, что носители данного идиома - самостоятельный народ, или реальное взаимопонимание носителей разных диалектов. Так, кубачинцы, язык которых (кубачинский, или урбукский) в специальной литературе признается одним из диалектов даргинского

языка, считают свой язык самостоятельным языком, а себя - отдельным народом. Этническое самосознание жителей с. Кубачи подчеркивается легендой о якобы французском происхождении данного народа. В таких случаях этническое самосознание подчиняет себе языковое самосознание, превалирует над ним. Иногда этническое самосознание толкает народ на признание национального языка родным даже в случае, если носитель не знает своего языка: по данным А. Х. Гирфановой, лишь 4% удэгейцев владеют удэгейским языком, пользуясь им в быту, в то время как 24% удэгейцев назвали своим родным языком удэгейский, практически не владея им, но ориентируясь на свою этническую принадлежность.

У многих миноритарных народов над этническим самосознанием превалирует родовое, фратриальное самосознание. Так, во время переписей 1959, 1970 и 1979 гг. энцев записывали как ненцев, частично - как нганасан. Однако энцы, спокойно соглашавшиеся с наименованием их ненцами, настаивали на адекватном отождествлении себя с древними племенами - бай и маду. Хорошо помнят энцы и о своей принадлежности к древним родам - аседа, чор, ючи и др. Любопытен и еще один факт. Судя по фольклорным материалам, в случаях смешанных браков родовое и этническое самосознание оказывается сильнее любого другого: кровное родство всегда сильнее свойства. В селькупском фольклоре, напр., относительно редки случаи предательства родственниками друг друга, особенно младшими старших (детьми родителей), но часты рассказы о том, как жена, взятая из другого народа, предает мужа во имя своих сородичей, которыми, как правило, бывают ненцы и отношение к которым у селькупов исторически негативное в отличие от отношения селькупов к кетам, эвенкам и хантам, с которыми у них много смешанных браков. Все приведенные примеры свидетельствуют об устойчивости этнической памяти народа и о приоритете родового/фратриального самосознания.

Однако возможна и прямо противоположная ситуация - полная утрата этнического самосознания, готовность к идентифицированию себя с другим народом при сохранении языкового самосознания. Так, по данным Т. Агранат и И. Шопитайшвили, посетивших в 1995 г. водь в дер. Краколье и Лужицы Кингисеппского р-на, водь называет себя ижорой, но вместе с тем ощущает свою языковую самостоятельность и в качестве отличительного признака приводит в пример глагол со значением "говорить": по-водски *paeta*, по-ижорски *läheta*; или фонетическую примету: перед гласными переднего ряда в

водском употребляется *č* (*čenci čirepi*), а в ижорском - *k'* (*k'enk'i k'irepi*) и др.

Языковое самосознание носителей какого-либо говора (диалекта) проявляется в определении ими различий между соседними говорами (диалектами) и безотносительно к этническому самосознанию, без намерения объявить себя самостоятельным народом, но с желанием подчеркнуть отличия собственного говора (диалекта) от других говоров (диалектов), его "правильность" и большую древность. Напр., северные селькупы, отмечая разницу между среднетазовским и верхнетазовским говорами, обычно указывают на различие в лексике и фонетике этих говоров, используя в качестве лакмусовой бумажки слова *qamrj* (ср.-таз.) и *l'ońca* (в.-таз.) "платок", соответственно *kogalyqo* и *mulalyqo* "рассказать", *pōl'* и *pōj* "деревянный", *nomal'* и *nomāj* "заячий", *mžty* и *mžty* "дорога" и др.

Наконец, следует упомянуть еще об одном компоненте социумного самосознания - регионально-культурном, который складывается у представителей разных этносов, но живущих в сходных экономико-географических условиях. Так, у северян - народов Арктики - в нашей стране возникла уникальная циркумполярная культура и сложилось особое самосознание, свойственное населению именно этого региона (ср. различия в культурно-региональном самосознании северных и южных селькупов и сходство культурно-регионального самосознания у ямальских ненцев, селькупов и др.

Все названные пласты самосознания социумов (языковое, фратриальное, этническое, регионально-культурное) тесно переплетаются друг с другом и образуют сложную сеть отношений.

И. В. Кульганек
(Санкт-Петербург)

СТРУКТУРА МОНГОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПЕЦИФИКИ

“Влияние языка скажется в облике термина, который скорее всего будет в акте номинации подогнан под имеющиеся словообразовательные образцы” (Б. А. Серебрянников). Представляется интересным на примере филологических терминов, используемых в вузовской практике, проследить словообразовательные явления с точки зрения отражения в них специфики конкретного языка. Список терминов (120 слов) был любезно предоставлен автору студентами-филологами Кобдоского пединститута во время фольклорной экспедиции в северо-западные районы Монголии (лето 1990 г.).

Как известно, языковая картина мира - это совокупность представлений и знаний человека о мире, известных ему в языковой форме. И в термине также отражается это знание через призму устоявшихся категорий и понятий. Они показывают, как был понят и осмыслен обозначенный предмет, с каким реальным объектом его сравнивали или ассоциировали. Некое новое знание, как правило, описывается по другому познанному фрагменту мира, эта модель наглядно проявляется в терминах.

В данном случае можно сказать, перефразируя выражение В. Г. Костомарова “слово - вместилище знаний”, что “термин - это вместилище категоризованных знаний”. Существует этимологическая память, которая носит живой характер. И эта мотивированность позволяет соединить новый опыт со старым, определить неизвестное через известное, ввести в устоявшуюся картину мира новые штрихи и детали. Такая угадываемость облегчает оперирование новыми понятиями.

В монгольском языке для обозначения новых (часто более обобщенных и абстрактных) понятий развит способ словообразования путем создания сложных слов из синонимов. В алтаистической литературе это явление нередко обозначают как образование “парных слов”. Так, например, слова *хайр/сайр* ‘галька’ и *чулуу* ‘камень’ явились производящими для обозначения появившегося понятия “щебень как строительный материал” - *сайр чулуу*, которое вобрало в себя два старых понятия. Аналогично образован литературоведческий термин “анализировать” - *задлан шинжлэх*, где первое слово (деепричастная форма) - глагол ‘раскрывать’, ‘развязывать’, ‘разваливать’, ‘разлагать на составные части’, а второй глагол ‘изучать’, ‘исследовать’; ср. русское слово от греческого ‘разложение’, ‘расчленение’, что обозначало всесторонний разбор всех свойств, сторон, составных частей явления. Как видно, монгольский эквивалент своей парной структурой как бы передает этот сложный процесс осуществления познания предмета или явления. Общее понятие “познавать” в монгольском передается *тангин мэдэх* = *таних* ‘узнавать’ (прежних знакомых), ‘знать’, ‘быть знакомым’ + *мэдэх* ‘знать’, ‘ведать’, ‘чувать’; т.е. можно говорить о том, что осмысление понятия включает в себя не только логическое мышление, познание, но и элемент интуиции (‘чувать’), русское *познавать* имеет внутреннюю структуру постепенного продвижения в знании. Лингвистический термин “соподчинять” дается как *ээрэгцүүлэн хавсрах* = ‘ставить в ряд’, ‘сопоставлять’ + ‘присоединять’, ‘совмещать’, ‘складывать плашмя одно с другим’, т.е. монгольское сложное глагольное образование как бы эксплицирует семный состав термина. Характерно, что во многих терминах используются глагольные образования (с участием деепричастий